

ГЛАВА 7

Каковы же основные особенности?

Позвольте мне, наконец, приблизиться к ответу на вопрос, который был задан в начале.

Помните строки предисловия Бернета, что *наука* — это греческое изобретение; что наука существовала исключительно среди людей, которые находились под влиянием греков. Позже в той же книге он пишет: «Основателем милетской школы и поэтому (!) первым человеком науки был Фалес»¹. Гомперц говорит (я уже много его цитировал), что весь наш современный образ мышления основан на мышлении греков; поэтому это нечто особенное, нечто, выросшее исторически на протяжении многих веков; *не* общий, а единственный возможный способ размышлений о Природе. Он придает большое значение тому, чтобы мы это осознали, чтобы мы признали эти особенности по существу, чем возможно освобождает нас от их почти непреодолимого обаяния.

В чем же они тогда состоят? Каковы своеобразные особые черты нашей научной картины мира?

Относительно одной из этих основных особенностей не может возникнуть сомнений. Это гипотеза о том, что *проявление Природы может быть понято*. Я уже несколько раз касался этого вопроса. Это не спиритическое, не суеверное и не магическое мировоззрение. О нем можно говорить еще очень много. В этой связи следовало бы обсудить вопросы: что на самом деле означает постижимость и в каком смысле, если он есть, наука дает объяснения. Великое открытие Дэвидом Юмом (1711–76) того, что зависимость между причиной и следствием не поддается непосредственному наблюдению и не образует ничего, кроме постоянной последовательности, является фундаментальным эпистемологическим открытием, которое привело великих физиков Густава Кирхгофа (1824–87), Эрнста Маха (1838–1916) и других к утверждению, что естественная наука не удаивается никакими объяснениями, что она нацелена только на полное и (Мах) экономичное описание наблюдаемых

¹*Early Greek Philosophy*, p. 40.

фактов и не способна достичь ничего, кроме этого. Эта точка зрения, в более сложной форме философского позитивизма, была с энтузиазмом принята современными физиками. Она весьма логична; очень трудно, если не невозможно, ее опровергнуть, чем она очень напоминает солипсизм, но при этом она намного разумнее последнего. Хотя позитивистский взгляд, очевидно, противоречит «понимаемости Природы», он, несомненно, не является возвратом к суеверному и магическому мировоззрению во время оно; совсем напротив, из физики он изгоняет понятие силы, наиболее опасный реликт анимизма в этой науке. Это целительное противоядие против стремительности, с которой ученые склонны поверить, что они поняли явление, хотя на самом деле они усвоили только факты, описав их. Все же даже с позитивистской точки зрения не следует, я полагаю, заявлять, что наука не выражает понимания. Ибо даже если бы оказалось верным (как они утверждают) то, что, в принципе, мы только наблюдаем и записываем факты, а также приводим их к удобной мнемотехнической систематизации, все же существуют реальные зависимости между нашими открытиями в различных, далеко отстоящих друг от друга областях знания и, с другой стороны, между ними и большинством фундаментальных общих понятий (как натуральные целые числа 1, 2, 3, 4, . . .); зависимости такие поразительные и интересные, что для нашего окончательного осознания и запоминания их термин «понимание» представляется очень подходящим. Самые выдающиеся примеры, по моему мнению, — это механическая теория теплоты, которая сводится к превращению к чистым числам; и аналогичным образом я назвал бы теорию эволюции Дарвина в качестве примера приобретения нами истинного понимания. То же можно сказать о генетике, основанной на открытиях Менделя и де Ври, тогда как в физике квантовая теория достигла обнадеживающей точки зрения, но еще не вполне добилась полной постижимости, хотя она вполне успешна и полезна во многих отношениях, даже в генетике и биологии вообще.

Однако, я полагаю, существует вторая особенность, которая проявляется намного менее ясно и открыто, но имеет такое же фундаментальное значение. Она заключается в том, что наука в своей попытке описать и понять Природу упрощает эту очень трудную задачу. Ученый подсознательно, почти неумышленно, упрощает свою задачу понимания Природы, исключая из рассмотрения или вырезая из картины, которую следует построить, себя, свою собственную личность, субъект познания.

Неумышленно мыслитель отступает к роли внешнего наблюдателя. Это намного облегчает задачу, но и оставляет бреши, огромные пробелы, ведет к парадоксам и антиномиям всякий раз, когда, не осознавая этой исходной сдачи позиций, пытаешься найти себя в картине мира или поместить себя, свое собственное мышление и воспринимающий ум обратно в эту картину.

Этот важный шаг — исключение себя, отступление на позиции наблюдателя, который не имеет отношения ко всему представлению — получил другие названия, благодаря которым он кажется вполне безобидным, естественным, неизбежным. Его можно было бы назвать просто объективизацией, взглядом на мир как на объект. В тот момент, когда вы его делаете, вы фактически исключили себя. Часто используемое выражение — «гипотеза реального мира вокруг нас» (*Hypothese der realen Aussenwelt*). Да ведь только глупец откажется от него! Совершенно верно, только глупец. Тем не менее, это определенная черта, определенная особенность нашего понимания Природы — и она имеет некоторые последствия.

Самые ясные признаки этой идеи, которые я смог найти в трудах греческих авторов, это те фрагменты Гераклита, которые мы уже обсуждали и анализировали ранее. Ибо это именно тот «общий мир», тот *ξυυόν* или *κοινόν* Гераклита, который мы строим; мы гипостазуем мир как объект, делая предположения о реальном мире вокруг нас, — как гласит самое популярное выражение, — созданные из частично совпадающих областей наших нескольких сознаний. И поступая так, каждый волей-неволей воспринимает себя, субъект познания, сущее, которое говорит «*cogito, ergo sum*»², вне мира, удаляет себя из него на позицию внешнего наблюдателя, который сам не принадлежит к его участникам. «*Sum*» (существую) превращается в «*est*» (существует).

Так ли это, должно ли так быть и почему так? Мы этого не осознаем. Вскоре я скажу, почему мы этого не осознаем. Сначала разрешите мне сказать, почему это так.

Итак, «реальный мир вокруг нас» и «мы сами», т. е. наши умы, созданы из одного и того же строительного материала, оба состоят из одних и тех же кирпичиков, так сказать, только расположенных в другом порядке, — чувственных ощущений, образов памяти, воображения, мышления. Необходимо, конечно, немного подумать, но легко

²Мыслю, следовательно, существую (лат.). — Прим. перев.

согласиться с тем фактом, что материя состоит из этих элементов, а не из чего-то еще. Более того, воображение и мышление играют постоянно растущую важную роль (по сравнению с грубым чувством-восприятием), по мере того как продвигаются вперед наука и познание природы.

Происходит следующее. Мы можем считать эти — разрешите мне назвать их *элементами* — элементы составляющими разума, собственного разума каждого, или же составляющими материального мира. Но мы не можем, или можем, но только со значительными трудностями, представить, что они являются таковыми одновременно. Чтобы перейти с точки зрения разума на точку зрения материи, или наоборот, нам следует, так сказать, взять элементы порознь и складывать их снова вместе в совершенно другом порядке. Например, — нелегко приводить примеры, но я попытаюсь, — мой разум в этот момент составлен из всего, что я чувствую вокруг себя: моего собственного тела, вас всех, сидящих передо мной и очень доброжелательно слушающих меня, *aide-mémoire*³, лежащей передо мной, и прежде всего мыслей, которые я желаю вам объяснить, их соответствующего обрамления в словах. Но теперь представьте себе любой из материальных объектов вокруг нас, например, мою руку. Как материальный объект, она состоит не только из моих собственных непосредственных ее ощущений, но также из воображаемых ощущений, которые у меня были бы, если бы я ее поворачивал, двигал ею, смотрел на нее под разным углом зрения; кроме того, она состоит из тех ощущений, которые, по моему представлению, есть у вас, к тому же, если вы думаете о ней в чисто научном стиле, то из всего, что вы могли бы проверить и действительно найти, если бы вы взяли ее и анатомировали, чтобы убедиться в ее действительной природе и структуре. И т. п. Можно без конца перечислять все возможные результаты перцепции и ощущения с моей и вашей стороны, которые включены в мой рассказ об этой руке как объективной черте «реального мира вокруг нас».

Следующая аналогия не очень хорошая, но ничего лучшего я вспомнить не смог: ребенку дают замысловатые детские кубики различной формы, размера и цвета. Он может построить из них дом, или башню, или церковь, или китайскую стену и т. д. Но нельзя одновременно построить два строения, потому что, по крайней мере частично, в каждом случае ему понадобятся одни и те же кубики.

³Памятная записка (франц.). — *Прим. перев.*

Именно по этой причине я считаю верным то, что я действительно исключаю свой разум, когда строю реальный мир вокруг себя. И я не осознаю этого исключения. И тогда меня очень удивляет, что научная картина реального мира вокруг меня очень неполная. Она дает много фактической информации, приводит весь наш жизненный опыт в замечательно непротиворечивый порядок, но она хранит тягостное молчание в отношении всего и весьма различна в том, что действительно близко нашему сердцу, что действительно имеет для нас значение. Она не может нам сказать ни слова о красном или синем, горьком или сладком, физической боли и физической радости; она ничего не знает о красоте и уродстве, хорошем или плохом, Боге и вечности. Наука иногда претендует на то, что дала ответы на вопросы в этих областях, но эти ответы часто настолько глупы, что мы не склонны воспринимать их серьезно.

Поэтому, если сказать коротко, мы не принадлежим этому материальному миру, который наука создает для нас. Мы не находимся в нем, мы вне него. Мы только зрители. Причина, почему мы считаем, что находимся в нем, что принадлежим этой картине, заключается в том, что наши тела находятся в этой картине. Наши тела принадлежат ей. Не только мое собственное тело, но тела моих друзей, а также моей собаки, и кошки, и лошади, и тела всех других людей и животных. И это единственное мое средство общения с ними.

Более того, в моем теле заключено порядочное число более интересных изменений — движений и т. д. — которые происходят в этом материальном мире, и заключено таким образом, что я чувствую себя частично автором этих поступков. Но затем попадаешь в тупик, сталкиваешься с этим приводящим в смущение открытием науки: как автор я не нужен. В пределах научной картины мира все эти события отвечают сами за себя, их пространно объясняют непосредственным энергетическим взаимодействием. Даже движения человеческого тела являются «его собственными», как выразился Шеррингтон. Научная картина мира снисходит до весьма полного понимания всего, что происходит — она делает его просто немного слишком понимаемым. Она позволяет вам представить общее табло как табло механического часового механизма, который ради всего, что знает наука, мог бы продолжать идти дальше, как он это делает, без того чтобы здесь присутствовали сознание, воля, усилия, боль и радость, ответственность, связанные с ней — хотя на самом деле они есть. И причина этой приводящей в замешательство

ситуации заключается как раз в том, что в целях построения картины внешнего мира мы использовали весьма упрощающий прием исключения нашей собственной личности из нее, устранения ее; следовательно, она ушла, она испарилась, в ней, судя по всему, нет необходимости.

В частности, и это наиболее важно, именно по этой причине научная картина мира не содержит в себе ни этических ценностей, ни эстетических ценностей, ни слова о наших собственных бесконечных возможностях или предназначении, и в ней нет Бога, с вашего позволения! Откуда я пришел, куда я иду?

Наука ни слова не может сказать нам о том, почему нас радует музыка, почему и как старая песня может вызвать у нас слезы.

Мы полагаем, что наука, в принципе, может подробно описать все, что происходит в последнем случае в нашем сенсорном и «моторном» мире, с того момента как волны сжатия и расширения достигнут нашего уха до момента, когда некоторые железы выделяют соленую жидкость, которая появляется у нас на глазах. Но о чувствах радости и сожаления, которые сопровождают процесс, науке ничего не известно, поэтому она о них умалчивает.

Наука хранит молчание также тогда, когда возникает проблема великого Единства — Единого Парменида — часть которого все мы так или иначе составляем и которому мы принадлежим. Самое распространенное его название в наше время Бог, с заглавной буквы. Очень часто науку клеймят за ее атеизм. После всего того что мы сказали, это не удивительно. Если картина мира не содержит даже синего, желтого, горького, сладкого — красоты, радости и печали — если личность выключена из него по соглашению, как она может включать самую возвышенную идею, что являет себя человеческому разуму?

Мир большой, великий и прекрасный. Мое научное знание событий в нем охватывает сотни миллионов лет. Все же иным образом оно охватывает несчастные семьдесят, или восемьдесят, или девяносто лет, данных мне, маленькую точку в неизмеримом времени, мало того даже в конечных миллионах и миллиардах лет, что я узнал, чтобы ее измерить и оценить. Откуда я пришел, куда я иду? Это великий непостижимый вопрос, одинаковый для каждого из нас. У науки нет на него ответа. Все же наука представляет лучший уровень, который мы смогли установить в области надежного и неопровержимого знания.

Однако наша жизнь, в образе того, что напоминает человеческие существа, продолжалась самое большее примерно полмиллиона лет. Из

всего того, что мы знаем, мы можем ожидать, даже на этой земле, что пройдет еще много миллионов лет. И из всего этого мы чувствуем, что любая мысль, которая у нас появится за это время, не окажется мыслимой напрасно.